

цы, крутыжаны, крутыжаны (IV, § 43 — 59). Изучать тенденции в области словообразования подобным путем, по-видимому, плодотворно. Но не является ли изучение потенций языка путем апеллирования к языковому чутью разных слоев говорящих особым аспектом социолингвистики? В этом смысле раздел «Словообразование» несколько выпадает по своему содержанию из книги в целом.

Несомненным достоинством рецензируемой книги является внимание к отдельному слову, отдельной словоформе, что позволяет учесть и особенности структуры этих единиц, и их чисто лексические индивидуальные характеристики (стилевая принадлежность, употребительность и т. п.). Весь анализ строится применительно к этим единицам; анализ средних показателей всегда производится на фоне конкретных данных по отдельным словам, что увеличивает ценность приводимого в книге фактического материала.

Так же солидно разработан в книге и социальный объект исследования. Подробно обсуждаются те социальные признаки, которые, согласно выдвинутой гипотезе, оказывают воздействие на распределение языковых вариантов: возраст, образование, социальное положение (профессии), территориальные признаки (место, где прошло детство, и место наиболее длительного жительства) и др. Обосновывается также членение на группы всего континуума обследованных носителей русского литературного языка в соответствии с каждым из признаков.

Выдвинутая система социальных признаков у нас, лингвистов, не вызывает принципиальных возражений. Досадно, однако, то, что в разных разделах книги континуум носителей языка делится по отдельным из изучаемых признаков по разным основаниям. Так, по признаку «образования» в разделе фонетики, выделяются три группы: лица с высшим образованием, средним и незаконченным средним, в других разделах выделяются только две первых. Еще больше разнobia в распределении на группы по признаку «социальное положение». Так, по сравнению с разбивкой в разделе фонетики в морфологии нет группы «учащиеся», но зато есть группа «писатели и журналисты». В разделе словообразования группы «учащиеся» также нет, «студенты» выступают одной группой, без подразделения на филологов и нефилологов, зато в разделе лиц с высшим образованием «нефилологи» разбиваются на «техников» и «естественников». Такой разницей в членении, как правило, ничем не обоснованный, делает затруднительным (а для некоторых контингентов носителей языка — и просто невозможным) сравнение поведения той или иной конкретной группы по отношению к вариантам, относящимся к разным сторонам языковой структуры, что несколько обедняет информацию, которая могла бы быть извлечена из приводимых в книге статистических данных.

Для решения поставленных перед исследователем задач материал анализируется статистически. В основу анализа положен метод группировок в сочетании с методом средних величин, что позволяет измерять зависимости явлений. Зависимости между языковыми и социологическими данными представлены в виде многочисленных таблиц и графиков. Наиболее важные из них даны в самом тексте исследования, основная же масса — в приложениях к каждому разделу работы. Обильный статистический материал, обработанный по единым принципам, составляет, как мы полагаем, основную ценность рецензируемой книги.

Много внимания в работе уделено самой методике статистического анализа. Во введении, в частности, подробно обсуждается степень репрезентативности исследуемого материала. Авторы утверждают, что «выборка была направленной и учитывала доли различных слоев в генеральной совокупности» (с. 33). Количественная достаточность материала специально обосновывается тем, что для определения объема выборки использовалась формула, по которой частости изучаемого варианта можно получать с заранее заданной абсолютной ошибкой. Однако, с нашей точки зрения, самое было бы задавать относительную ошибку.

Выводы по отдельным разделам (фонетике, морфологии, словообразованию) о характере зависимости языковых вариантов от тех или иных социальных факторов строятся на двух показателях: силы и диапазона действия социальных факторов, четко определенных во введении (с. 36 — 37). Эти характеристики достаточно емки и дают хорошее представление об относительной «влиятельности» разных социальных факторов на распределение языковых вариантов. Именно по этим двум критериям (силе и диапазону) строятся упорядоченные ряды социальных факторов, учитываемых в работе. Но при интерпретации таблиц по отдельным языковым явлениям суждения о силе действия разных социальных факторов основываются только на величине размаха варьирования частостей (или вариационного размаха) или только на средней частости, что противоречит определению силы, данному во введении, где совершенно правильно фигурирует относительный вариационный размах (отношение абсолютного размаха к среднему значению частости). Естественно, что когда сравниваемые средние частости заметно отличаются друг от друга, то один и тот же вариационный размах указывает на разную зависимость рассматриваемых факторов: большую в случаях с меньшими значениями частостей и наоборот. Неучет этого обстоятельства приводит к неточностям отдельных оценок.

Обычно при интерпретации статистических данных авторы указывают на существенные, статистически полновесные характеристики, ориентируя тем самым на наиболее яркие показатели влияния